

внимание уделяется вопросам исторического происхождения религиозных представлений и основных религий, подчеркивается ангажированность религии интересами враждебного капиталистического окружения.

Второй блок представляет собой методическое руководство антирелигиозной пропагандой применительно к различной аудитории и ситуациям. Если первый блок отвечает на вопрос «что?», то второй – на вопрос «как?» Во втором блоке обобщается методика и психология лекционной пропаганды, формы индивидуальной и массовой работы в различных сферах. Основаниями социально-технологических методик служат некоторые научные обобщения, в частности социологические и этнографические данные об особенностях религиозности населения. Важное место в проектировании технологий пропаганды занимает политический контекст, это прежде всего выступления государственных лидеров, решения и установки, исходящие из текущей политической конъюнктуры (решений партийных пленумов, съездов, постановлений правительства и т. п.). Задача состояла не просто в налаживании проникающей системы агитация населения, но в постоянном увеличении числа агитаторов и пропагандистов. В идеале, сам бывший верующий, с помощью пропаганды пришедший к атеистическим убеждениям, должен стать их активным проводником.

Третий блок источников – теоретическая рефлексия над антирелигиозной деятельностью и путями повышения ее эффективности со стороны гуманитарных дисциплин, в первую очередь философии. Не в этой ли причастности глубинная причина «слепого пятна», в котором оказалась значительная часть исследовательского контента антирелигиозной направленности последней трети XX в.?

Задача комплексного осмысления советского антирелигиозного проекта состоит в реконструкции содержательных и инструментальных установок как культурологического симптома и технологического инструмента одновременно.

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ И ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НИКОЛАЯ ЛОССКОГО

Лянькевич Г.Ч. (Минск, Беларусь)

Высоцкий А.П. (Рига, Латвия)

Православный (до 1840 г. униатский) священник Иван Лосский своей трагической судьбой (казнен повстанцами в 1863 г.) во многом предопределил судьбу своих детей и внуков, в том числе выдающегося белорусско-русского философа Николая Онуфриевича Лосского (1870–1965).

Судя по некоторым сведениям, в частности тем, что приводит в своих «Воспоминаниях» [1] Н.О. Лосский, его дед Иван был не только ровесником, но и единомышленником реформаторов униатской церкви. По мнению многих исследователей, наиболее значительной фигурой из реформаторов униатства был Иосиф Семашко (1798–1868) – униатский епископ Мстиславский (с 1829 г.; в Полоцкой униатской архиепархии), а затем православный архиепископ Литовский и Виленский (с 1840 года). (Кстати, многие родственники Н.О. Лосского жили и учились в Мстиславле и Полоцке, а сам знаменитый философ в Мстиславле «работал всласть» над книгами и диссертациями) [1, с. 15; 22, 23, 28; 2, с. 476].

В свою очередь, традиции богословского воспитания в семье Н.О. Лосского (наиболее ярко они проявились в деятельности старшего сына и старшего внука философа – Владимира Николаевича (1903–1958), автора книги «Боговидение» и Николая Владимировича (1929–2017) Лосских) представляют большой интерес не только для историков Русской Православной Церкви, ни и для ученых-гуманитариев. Этот интерес, во-первых, обусловлен противоречивой семейной религиозной традицией родственников Н.О. Лосского (дед философа, как уже отмечалось, был униатским и православным священником, отец и мать исповедовали православие и католицизм).

Религиозное миропонимание Н.О. Лосского, основы которого, безусловно, сформировались в детстве и юности, имея общие черты, значительно отличалось от воззрений других русских философов.

Во-вторых, эволюция религиозного мировоззрения Николая Лосского представляет научный интерес и в связи с конфессиональной политикой властей Российской империи [1, с. 15–16]. Следует подчеркнуть, что главной целью этой политики на белорусских этнических землях, где родился будущий классик русской философии, было стремление вернуть население к православию как из униатства, так и из католицизма. Судя по семье Онуфрия Ивановича Лосского (отца философа), в которой все пятнадцать детей были крещены в православных храмах, эта задача правительством и местными властями решалась достаточно успешно. Известно, что «большинство верующих довольно спокойно», хотя, как правило, неосознанно приняло в 1840–1850 годах православие. При этом многие из этих прихожан православных храмов, значительная часть которых была создана на базе униатских, католических и т. н. единоверческих церквей, десятилетиями сохраняли некоторые униатские и католические традиции.

Стоящие перед властями Российской империи задачи конфессиональной политики, наиболее образно сформулировал министр внутренних дел Д. Блудов: «необходимо униатов преобразовать из полуполяков – римских католиков в верных сынов нашей церкви и России». Таких «сынов» по Белорусской и Литовской униатским епархиям оказалось более 1,5 миллиона человек [3, с. 809].

Как известно, в ходе подготовки к восстанию 1863–1864 гг. его руководителями делалась ставка на то, что «идеи униатства еще не угасли в душах былых униатов и их священников». Одним из таких священников, на которых повстанцы, вероятно, возлагали надежды и которым посылали рукописные письма с воззванием «Бывшему униатскому духовенству», был и дед будущего философа, казненный ими в 1863 г. По мнению Н.О. Лосского, его дед Иван был распят на

кресте за то, что «хорошо объяснял крестьянам значение манифеста об уничтожении крепостного права» [1, с. 15; 4, с. 124]. Вероятнее же, – в связи с тем, что не поддержал повстанцев, в том числе в их стремлении включить земли Беларуси в состав новой Речи Посполитой. В те годы казням и истязаниям были подвергнуты сотни православных (бывших униатских) священников [5, с. 72–78].

После восстания 1863–1864 гг. царское правительство стремилось не только окончательно решить проблему с униатством, но и вело решительную борьбу за «располячивание костела» (заккрытие монастырей, высылка священников-католиков, ужесточение условий строительства и работы костелов и др.). Вместе с тем активно проводилась государственная «политика на дальнейшее укрепление в белорусско-литовских губерниях» позиций Православной церкви. В это время быстрыми темпами стало расти количество православных церквей, в строительстве которых принимало участие и государство [3, с. 811]. (В одном из них крестили детей О.И. Лосского, отца философа).

В-третьих, эволюцию религиозных воззрений Николая Лосского и членов его семьи интересно проследить и в связи с политикой самой Православной церкви, которая боролась с католичеством и униатством и стремилась преобразовать храмы других конфессий в православные, а также построить (перестроить) новые церкви. Характерным примером этого может служить и Покровский православный храм в местечке Креславка (в н. в. город Краслава; Латвия), сыгравший большую роль в судьбе Николая Лосского и членов его семьи (таких храмов в Краславе было несколько).

В-четвертых, в формировании мировоззрения Николая Лосского большое значение имел фактор личного общения с близкими семье священниками. В частности, общение с культурными, образованными ксендзами доставляло Николаю Лосскому «большое удовольствие». Для него весьма привлекательным было их умение вести

себя в обществе, а также остроумие и веселый нрав некоторых из них. Будущему философу также очень нравился «благочестивый и кроткий» креславский православный священник отец Иоанн Гнедовский, к которому все члены семьи питали глубокое уважение и любовь [1, с. 20]. И хотя Лосский подчеркивал, что в православном храме он «впервые побывал сознательно в возрасте десяти лет», нельзя забывать того, что в креславских храмах не только крестили Николая и его многочисленных братьев и сестер, но и отпевали родственников и друзей семьи, провожая их в последний земной путь [1, с. 15–19]. Сознательно или подсознательно, но все эти события оказывали влияние на весьма впечатлительного ребенка, которым являлся Николай Лосский.

Путь к юношескому атеизму, ставшему одной из причин последующего отчисления Николая Лосского из витебской гимназии, как это не странно на первый взгляд, был связан с глубокой религиозной убежденностью, возникшей в детстве, в том числе при посещении католического и православного храмов.

Юноша, принявший в 15-летнем возрасте решение не читать романы (самозапрет действовал около двух лет), был крайне обижен отцом Терпиловским – человеком грубым, заносчивым, бескомпромиссным. Важным событием, запустившим механизм возникновения атеистического мировоззрения, стала так называемая эпитимия (церковное наказание), связанное с признанием в чтении романов. Эту обиду усиливали и насмешки товарищей, увлекавшихся романами, но не делавших по принуждению священника «сто поклонов во время вечерней молитвы» [1, с. 39]. Начав с размышлений о «несправедливостях нашего политического строя», которых «было много у нас в Белоруссии», Николай Лосский вскоре начал читать уже не романы, а «запрещенные» книги. Эти книги, изъятые из общественных библиотек (сочинения Писарева, Добролюбова, Михайловского и др.), произвели на юношу большое впечатление и увлекли идеями соци-

ализма. От размышлений о теориях социализма и материализма до атеизма оставался один шаг. И он был сделан после жестокого наказания, наложенного на Николая священником гимназии. Не прошло и месяца после этого события, как Лосский «отверг не только церковь, но и Бога» [1, с. 39], возвратившись к ним только спустя десятилетие, в «годы лихолетия» (Б.Н. Лосский).

Таким образом, за первые семнадцать лет своей жизни Николай Лосский прошел путь от глубокой детской религиозности к юношескому максимализму, проявившемуся в материализме, а затем и в атеизме. И этот путь был типичный для русского (белорусского) юноши, жившего на рубеже веков, когда атеистами становились не только внуки рядовых священников (таким был Николай Лосский), но и дети высоких иерархов Церкви, государственных чиновников. Впереди была эпоха революций, разрушивших Россию и выбросивших за рубеж, а часто и из жизни, не только миллионы идеалистов (к таким большевики позднее причислили профессора Николая Лосского), но и десятки тысяч самых убежденных материалистов и атеистов.

Выводы:

1. Пережив тяжелые «годы лихолетия», Н.О. Лосский и почти все наследники философской династии пришли к Богу, а многие из них, как и Иван Лосский, стали священниками Православной Церкви;
2. Всю свою сознательную жизнь в России и за рубежом Н.О. Лосский посвятил философскому творчеству, в котором важное место занимали проблемы богословия (несколько книг Н.О. Лосского и В.Н. Лосского изданы по благословению Почетного Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета) [7];
3. Пройдя через испытания «лихолетия», Н.О. Лосский до конца жизни боролся против расколов в Православии и в восточноевропейской цивилизации, а его идейное наследие не потеряло актуальности для современности;

4. Необходимо поддержать инициативу белорусских и латвийских ученых о проведении в 2020 году научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.О. Лосского (в Полоцке и Краславе, где Николай Лосский и его родственники жили, учились, работали, страдали и прониклись идеями Православия!!!) [8, с. 6–11].

Литература и источники

1. Лосский, Н.О. Жизнь и философский путь / Институт философии НАН Беларуси; предисл. Б.Н. Лосский; вступ. статья А.А. Лазаревич. – Минск : Право и экономика, 2012.
2. Кірэеў, В. Сямашка Іосіф / В. Кірэеў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. – Мінск : БелЭн., 2006. – С. 476.
3. Беларусь: Народ. Государство. Время / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2009.
4. Грыгор’ева, В., Навіцкі, Ул., Філатава, А. Уніяцтва ў Беларусі: Ад полацкага Сабора 1839 г. і да нашых дзён // 3 гісторыі ўніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі (С. Марозава [і інш.]; Пад рэд. М.В. Біча і П.А. Лойкі. – Минск : НКФ «Экаперспектыва», 1996.
5. Щеглов, Г.Э. Мученики и мучители. Страдания православного духовенства во время польского восстания 1863–1864 годов / Г.Э. Щеглов // Беларуская думка. – 2013. – №5. – С. 72–78.
6. Сахаровъ, С.П. Православныя церкви въ Латгаліи (Историко-статистическое описание). Рига, 1939. – С. 74–77.
7. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра / Н.О. Лосский. – Минск : Белорусский Экзархат, 2011; Лосский, В.Н. Боговидение / В.Н. Лосский. – Минск : Белорусский Экзархат, 2007.
8. Философы Лосские – летописцы малой и большой родины / Сост. Г.Ч. Лянькевич, В.И. Павлов. – Минск : Право и экономика, 2018.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСТВА И ПУТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Куши А.Л.
(Минск, Беларусь)*

Роль религии в современном белорусском обществе является очень важной. Деструктивные процессы, касающиеся практически всех сфер жизни общества, которые стали активно нарастать, начиная с конца 80-х гг. прошлого столетия, привели к разрушению сложившейся в советские времена системы ценностей и формирующей ее идеологии. В духовно-нравственной сфере образовался вакуум. В сложившейся сложной ситуации религия предложила собственную альтернативу, которая была принята основной частью общества. Распространение религии приняло масштабный характер, и это позволило стабилизировать сложную ситуацию в обществе.

Ведущая роль среди функционирующих в нашей стране религий принадлежит православию. Это не случайно. Система православных ценностей оказалась близка культуре нашего народа, и поэтому именно она оказалась востребованной обществом, была институционализована и прошла через все перипетии сложного исторического пути белорусов. В чем особенности этой системы ценностей и сложившейся на ее основе православной культуры?

К такого рода ценностям принадлежат соборность православия, которая хорошо согласуется с традиционной общинностью (талакой) белорусского народа. Православие, по сути, не является авторитарной религией. Роль священства в нем не в том, чтобы через себя нести миру свет божественной истины, а чтобы помогать православному христианину двигаться по предназначенному Богом пути, чтобы являть собою пример такого служения, чтобы организовать в обществе